

нище, супруге и соавтору – Светлане Сергеевне Неретиной. В этот период все более заметное место в поистине безграничной сфере интересов Александра Павловича начинают занимать проблемы социальной истории и социальной философии науки. В этих областях он выступает в качестве автора и редактора многих статей и коллективных монографий. Создавалось впечатление, что он знал научные труды едва ли не всех тех, кто занимался в нашей стране этой проблематикой.

Александр Павлович Огурцов сделал фантастически много для нашей философии, для нашей науки, для нашей страны. Его богатейшее наследие всем нам еще предстоит изучать и осваивать, увы, теперь уже без него самого, без его понимающего взгляда, без его дружеского намека, без его взыскательной, строгой, по-настоящему товарищеской оценки.

Б.Г. Юдин

А.П. Огурцов: человек-легенда или философствующая личность?

Прикосновение к таланту. Выше была дана замечательная характеристика творческого пути Александра Павловича Огурцова. Писать о высоком таланте – большая ответственность. Это дано не каждому и, наверное, найдутся коллеги и соратники, которые раскроют грани таланта Александра Павловича лучше меня. Но и я хочу поделиться своими впечатлениями о его яркой и талантливой личности. Не буду перечислять случаи знакомства и встреч с ним. Гораздо важнее вспомнить то, что меня поразило в этом человеке до глубины души.

Александр Павлович – это легенда в истории отечественного философствования и науковедения. Пожалуй, другого такого человека я не знаю. Ни до него, ни во время его необыкновенно насыщенной жизни такого энциклопедического таланта еще не было в российской философии. Своим глубоким вчитыванием в философские тексты и масштабом теоретического обобщения он поражает любое воображение.

Его имя стало обрастать легендой еще во времена издания первой, пятитомной Философской энциклопедии, когда он с коллегами сумел не только подготовить, но и издать в сжатые сроки так нужные нашему сообществу энциклопедические статьи. Уже в студенческие годы я смотрел на Александра Павловича как на живую легенду и небожителя.

Каково же было моё переживание, когда я встретил простого на вид и доступного в общении человека в середине 1990-х гг. Затем в начале 2000-х наши встречи стали более регулярными и я смог воочию убедиться в блестящем аналитическом уме и историко-философском чутье Александра Павловича. Он стал для меня чем-то большим, чем персонифицированная в образе конкретного человека и воплощенная в его текстах легенда. Тогда я не мог долго понять, почему такой выдающийся мыслитель вот так запросто и скромно ведет себя в общении. И эту загадку нельзя объяснить банальным «всё гениальное – просто». Суть дела заключается в его самоидентификации. Он считал себя скромным червем философских и научных полей. Об этом свидетельствуют два интервью, которые мне удалось взять у него в 2000-е гг. (см. прим. 1).

Юдин Борис Григорьевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, руководитель научного направления Института философии РАН, главный редактор журнала Президиума РАН «Человек» (Москва). E-mail: byudin@yandex.ru.

В моём представлении Александр Павлович – «человек, который философствует» или философствующая личность. Именно так я назвал своё первое интервью с ним. Людей, которые пишут тексты или рассуждают о философии, много. Но тех, кто может философствовать, размышляя о бытии сущего, анализируя разные онтологические модели и проживая их на собственном опыте, – единицы. Он был, несомненно, философом, а не специалистом по философии (философоведом).

О философии и философе. С Александром Павловичем у нас было несколько линий для обсуждения. Одна из них – сущность самой философии. По его словам, «*философия – это тематизация предельных смыслов отношения человека к миру, обществу, культуре, к самому себе и к другому*» [1, 325]. В своей философской деятельности он придерживался реляционного способа мысли, который трактуется как развертывание человека в мир, принципов тематизации, т.е. проблематизации экзистенциальных и когнитивных ситуаций. Вместе с тем А.П. Огурцов настаивает на том, что философия есть скорее любознание, а не любомудрие. Она невозможна без сопереживающего понимания мира, себя и другого. Мне этот образ философии нравится.

Чем отличается философ от специалиста по философии? С точки зрения Александра Павлович тем, что второй знает тезаурус философии, но не видит её проблем, а первый может не владеть современным философским языком, но в состоянии усмотреть проблему.

Но кто же таков сам Александр Павлович? Он считает себя по роду занятий и профессии философом, занимающимся наукой, а не науковедом, использующим точные методы в исследовании науки [1, 329]. И что еще важно отметить: Александр Павлович был человеком интеллектуальной культуры XX в. Он жил в этом веке, обстоятельно знал его философские и научные традиции. И хотя его философское наследие выходит за рамки прошлого века, что-то мне подсказывает, что его собственные способ мышления и стиль исследования сформированы во многом мыслительными практиками представителей Венского кружка, Кассирера и Хайдеггера, К. Поппера и Т. Куна.

Александр Павлович, будучи философствующей личностью, испытывал тягу к чтению. Он умел читать и понимать тексты самой разной сложности. И его цель – постижение неизведанного [1, 335]. Завидная участь человека, который способен сам создавать шедевры, но предпочитает изучать опыт мысли других людей, чтобы переработать их в собственные размышления. Удивительно, в наше время, когда столько развелось авторов, находится человек, тонко чувствующий текст и умеющий его творчески корректировать. И это качество восхищает меня в Александре Павловиче, как и его тяга ко всему настоящему и стоящему в философии и науке. Для меня стиль философской работы А.П. Огурцова остается непревзойденным образцом духовного подвижничества. Именно таким я себе представляю настоящего философа в наше время. Читатель знает мой иронический и местами резкий тон в отношении некоторых фигурантов философского сообщества. Но здесь я, как никогда, пишу искренне и с чувством неподдельного восхищения. Мне не знакомо чувство зависти в отношении талантливых людей. Я ими просто восхищаюсь.

Мне, как и Александру Павловичу, нравится восхищаться другими, причем не в уничижительном смысле, а в смысле воодушевления и приподнятости духа. А это состояние предполагает, по Г. Марселю, умение выходить из самососредоточенности, концентрированности на себе и своём внутреннем [4, 40], которое зачастую подстраи-

вается под внешнее. И этот выход возможен через самоотдачу и самоотверженное творчество. Таким был и останется в моей памяти Александр Павлович Огурцов.

Скромное очарование философствующей личности А.П. Огурцова я бы объяснил не только самоограничением, но и тем, что Марсель называл восхищением и удивлением от иного. Такой философ, как Александр Павлович, не мог быть собственником идей, олицетворяющим истину в последней инстанции. «Философствующий здесь-и-теперь, можно сказать, преследуем реальностью. Ему мало факта существования. Существование неотделимо от некоторого удивления... Большая часть патентованных профессиональных философов не обнаруживает ни малейшего следа этого исходного удивления» [4, 51]. Огурцов не из их числа. Ему неведомо «привыкание к реальности». Им, как и ребенком, движет метафизическое удивление, характерное для дологической формы мышления наших далеких предков.

Вместо привыкания к реальности, которое присуще большинству исследователей, не имеющих философской веры, в Александре Павловиче прорывается то, что Марсель именует «ожогом от реальности». «... Конкретная философия невозможна без непрерывно возобновляемого и подлинного творческого напряжения между «я» и глубинами бытия, в котором и благодаря которому мы есть мы» [4, 52]. Философ Огурцов смог избежать в своей творческой биографии крайностей, присущих философскому истеблишменту. Он ушел от нас воплощенным в своём духовном теле и с чувством восхищения, возвышающего его над серыми буднями повседневности.

Скажи мне, кто твой друг... Своё жизненное и профессиональное кредо А.П. Огурцов сформулировал так: «Меня сформировали талантливые люди и умные книги» [1, 333]. Он ценил и то, и другое, всерьез относясь к самости другого человека. Я думаю, что это относится не только к его прошлому опыту, но и к настоящему. Он имел еще один талант — принимать других в том смысле, чтобы иметь возможность участвовать в их духовной жизни. Ему была присуща любовь к мысли, как таковой, безотносительно к тому, кому она принадлежала. Ведь мысль бесплотна и анонимна, а её авторство весьма сомнительно в мире, где всё или почти всё сказано. В его жизни присутствовали другие в качестве носителей высказанной, а скорее недосказанной мысли. Он, как никто другой, умел досказывать и выражать чужую мысль, облекая её в собственную форму, а тем самым преобразуя полумысль, предвосхищающую нечто, в истинное суждение. Именно таким учителем или мастером мысли запомнился мне Александр Павлович.

Говорят, что масштаб и качество деятельности человека зависит от качества среды (непосредственного окружения), которую он выбирает. Александр Павлович сделал правильный выбор. Он поступил на философский факультет МГУ, и связал свою жизнь с философией, а также людьми, работающими в ней. Его окружали в годы обучения на факультете такие мыслители, как А.А. Зиновьев, М.К. Мамардашвили, Б.А. Грушин, Г.П. Щедровицкий и др. Его друзьями были в те годы Э.Г. Юдин, М.К. Петров, Б.И. Шрагин и др. Их сблизил совместная работа над Философской энциклопедией и сотрудничество в редакции журнала «Вопросы философии». В Институте социологии он знакомится с Ю.А. Левадой, В.А. Ядовым, И.С. Коном и др., а затем после перехода в ИИЕиТ работает вместе с А.В. Ахутиным, В.Л. Рабиновичем, П.П. Гайденом, И.А. Алексеевым, Б.С. Грязновым и др. Так что круг общения Александра Павловича в те годы (конец 1960—1970-е гг.) был весьма разнообразен и представлен.

Лично я очень рад тому, что в моей жизни был такой человек, как Александр Павлович Огурцов. На первых страницах трехтомной книги «Философия науки» [3], которая стала одним из итогов его творческой деятельности, он написал мне: «от автора с уважением и с воспоминаниями о совместной работе». С ним интересно было работать. И не только в подготовке печатных изданий, но и в организации учебных курсов и программ. Я вспоминаю с благодарностью его участие в Летней философской школе, которую наш Институт философии проводил совместно с Рязанским государственным радиотехническим университетом в июле-августе 2011 г. (научный руководитель школы – Б.Г. Юдин, координатор – Ю.М. Резник). А.П. Огурцов – ведущий лектор школы. На его лекции собирались и аспиранты, и преподаватели. Он был не только философом, но и талантливым педагогом, умеющим заинтересовать слушателей и передать им энергию философской мысли.

Александр Павлович был знаком не только с именитыми авторами, но и с не очень известными широкой философской публике исследователями «из глубинки». Он живо интересовался новинками книг, выпущенных в разных уголках страны, удивлялся собеседниками не только широтой своей философской эрудиции, но и знанием текстов региональных авторов.

Мыслить широко и не упускать детали. Александр Павлович – настоящий эрудит и энциклопедист в лучших традициях прошлых столетий. В наше время – это редкий и уникальный тип мыслителя. Все современные философы, как правило, отличаются узкой специализацией. Такие исследователи, как Огурцов, рождаются один раз в полвека. Конечно, у него нет таких фундаментальных философских трудов, как у М. Хайдеггера, но ему присущ тонкий и изысканный стиль знатока деталей. А современная философия большей частью своего успеха и общественного признания обязана деталям мышления. Здесь важны нюансы, которые были так хорошо знакомы Александру Павловичу.

Я знаю многих людей, работающих в области философии, но редко кому из них удается воплотить себя в реальности. Как писал Г. Марсель, быть воплощенным – это значит овладеть в полной мере своей телесностью и стать субъектом [4, 16-17]. Другими словами, это значит быть телом-субъектом. В хрупком физическом теле Александра Павловича жидился сильный дух, рвущийся на свободу. Его не заботили многие социальные условности. Ему были чужды зависть и стремление возвыситься над другими людьми. Скорее всего, эти другие самости, несмотря на желание, не могли возвыситься до масштабов его личности и, возможно, часто упрощали его феномен ради возвышения собственного присутствия в мире, обремененного необходимостью соответствовать социальным ожиданиям.

Александр Павлович никому и ничему не соответствовал. Он жил естественно (как дышал) и творил в состоянии перманентной философской рефлексии, будучи вполне реальным и конкретным человеком. В экзистенциальном плане его отличала фундаментальная причастность к миру, который он воспринимал с легкой иронией, как впрочем, и своё собственное бытие в нём.

А.П. Огурцов относил себя к поколению «шестидесятников». И не случайно он избрал для себя философию и социологию науки. Именно они в советское время давали наибольший простор для свободного творчества. Они же обеспечивали широкий охват тем и проблем. Но об этом и многом другом я постараюсь написать подробнее в следующем очерке.

Вряд ли у меня получилось в столь кратком обзоре дать представление об образе Александра Павловича Огурцова как человека и философа. Он достоин добротной философской биографии. А пока ограничусь грустной констатацией: меня продолжает преследовать ощущение, что людей, испытывающих ожог от реальности, становится всё меньше и меньше. Как-то притупилось восприятие бытия у большинства титулованных или патентованных философов. И, возможно, очень скоро таких людей, как Александр Павлович, не будет вообще. Он окончательно превратится в легенду. А значит, не станет и части нас самих. Потому что мы выросли друг в друга, стали продолжением чего-то большего, чем есть мы сами.

В заключении еще раз хочу выразить своё восхищение феноменом Огурцова вместо привычного в этих случаях глубокого прискорбия. Он прожил красивую и яркую жизнь. И я не считаю его философом-одиночкой. Мне больше нравится в нём образ человека, который философствует, даже уйдя от нас в запредельный мир. Он продолжает отсюда говорить с нами. Надеюсь, за ним в философское сообщество придут новые поколения последователей и соратников. Увы, возвыситься до таланта и масштаба личности такого философа трудно. Но ведь факел зажжен и продолжает гореть. Давайте, уважаемые коллеги и читатели, не дадим ему потухнуть. Ведь ради этого жил и работал Александр Павлович Огурцов. Пусть его светлый облик останется в наших умах и сердцах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Человек, который философствует (интервью Ю.М. Резника с профессором А.П. Огурцовым, май 2005 г.) // Личность. Культура. Общество. – 2005. – Т. VII. Вып. 3 (№ 27). – С. 324-330.
2. Еще раз о философии и о многом другом (интервью Ю.М. Резника с профессором А.П. Огурцовым, 2 июля 2009 г.) // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. XII. Вып. 1. – С. 416-438.
3. *Огурцов А.П.* Философия науки: XX век: Концепции и проблемы: В 3 ч. – СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2011.
4. *Марсель Г.* Опыт конкретной философии. – М.: Республика, 2004.

Примечания

1. См.: Человек, который философствует (интервью с профессором А.П. Огурцовым, май 2005 г.) // Личность. Культура. Общество. – 2005. – Т. 7. Вып. 3 (№ 27). – С. 324-330; Еще раз о философии и о многом другом (интервью с профессором А.П. Огурцовым, 2 июля 2009 г.) // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. XII. Вып. 1. – С. 416-438.

BIBLIOGRAPHY

1. Chelovek, kotoryy filosofstvuet (intervyu Yu.M. Reznika s professorom A.P. Ogurtsovyim, may 2005 g.) // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. – 2005. T. VII. Vyp. 3 (N 27). S. 324-330.
2. Eshche raz o filosofii i o mnogom drugom (intervyu Yu.M. Reznika s professorom A.P. Ogurtsovyim, 2 iyulya 2009 g.) // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. – 2010. T. XII. Vyp. 1 (N 27). S. 416-438.
3. Ogurtsov A.P. Filosofiya nauki: XX vek: Kontseptsii i problem: V 3 ch. – SPb.: Izd. Dom “Mir”, 2011.
4. Marsel G. Opyt konkretnoy filosofii. – M.: Respublika, 2004.

Notes

1. Sm.: Chelovek, kotoryy filosofstvuet (intervyu Yu.M. Reznika s professorom A.P. Ogurtsovyim, may 2005 g.) // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. – 2005. T. VII. Vyp. 3 (N 27). S. 324-330; Eshche raz o filosofii i o mnogom drugom (intervyu Yu.M. Reznika s professorom A.P. Ogurtsovyim, 2 iyulya 2009 g.) // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. – 2010. T. XII. Vyp. 1 (N 27). S. 416-438.

Ю.М. Резник

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой философии ФГУ РАНХиГС при Президенте РФ (Москва), профессор ТПУ (Томск). E-mail: reznik-um@mail.ru.
